

Заключение: Кавказ как комплекс безопасности

Бруно КОППИТЕРС

Введение

Статьи настоящего сборника касаются этнических конфликтов на Кавказе на уровне отдельных государств. Гражданские войны, территориальные споры и иностранное вмешательство в этническую вражду анализируются с точки зрения стабильности государств и межгосударственных конфликтов. Не упускается из виду, однако, и анализ на региональном уровне. Авторы показывают, что все политические актеры, замешанные в эти разноуровневые конфликты, рассматривают свою активность в региональном контексте и что различные концепции среды, в которой они намерены проводить свою политику, значительно отличаются друг от друга. В самом деле, отношения между государствами характеризуются не только конфликтующими интересами и различным пониманием безопасности, но и несовпадающими представлениями об основных характеристиках региона. В настоящей статье дан анализ влияния российской концепции ближнего зарубежья, иранской концепции Нового Ближнего Востока и турецкой концепции тюркского сообщества на политику этих государств на Кавказе. В ней освещается значение несовместимости этих различных концепций кавказской региональной идентичности для динамики этнического конфликта. Статья в основном основывается на анализе региональной безопасности Барри Бьюзена, а также на предыдущих статьях, в которых были проанализированы интересы и восприятие безопасности государств Закавказья, России, Ирана и Турции^[1].

В своем анализе проблем региональной безопасности Барри Бьюзен^[2] описывает региональный уровень анализа как промежуточный уровень между государством и международной системой в целом. В анархической международной системе региональная система служит связующим звеном между динамикой глобальной и локальной безопасности. Регион следует рассматривать не как произвольно определяемый ряд стран, а как четкую систему государств, тесно объединенных географической близостью, отношения безопасности которых столь значительны, что можно провести линию разграничения между данным регионом и другими региональными образованиями. В качестве аналитического средства, с помощью которого можно было бы выявить и обозначить региональные образования, Бьюзен вводит термин «комплекс безопасности», определяемый как «группа государств, коренные интересы безопасности которых связаны настолько тесно, что их национальная безопасность не может реально рассматриваться отдельно друг от друга»^[3]. Влияние географии на взаимоотношения между государствами, их силовые отношения, взаимозависимость соперничества и интересов государств, равно как и примеры более или менее многолетней дружбы/вражды,

включая более или менее устоявшиеся отношения добрососедства, защиты, поддержки, подозрительности и страха, — все это нужно принимать во внимание при выявлении и анализе комплексов безопасности.

Концепция региональной безопасности Бьюзена впервые была обнародована в 1991 г. Подзаголовок книги, в которой она была опубликована, гласил: «Перечень вопросов к исследованиям международной безопасности в эпоху после конца «холодной войны». В настоящей статье мы не намерены обсуждать методологические принципы концептуализации региона данным автором, но стремимся применить его концепции (основанные на событиях эры «холодной войны») к событиям, имевшим место в период после ее окончания. Одним из основных результатов окончания «холодной войны» было возникновение новых регионов и комплексов безопасности в бывшем Советском Союзе. В отличие от деколонизации Латинской Америки, где прошло более полувека, прежде чем сформировался комплекс безопасности, кавказский комплекс вновь возник после 70 лет советской власти. Можно провести параллель между этим отсутствием какого-либо «эмбрионального» периода на Кавказе и приводимой Бьюзеном характеристикой Южной Азии, где комплекс безопасности «возник почти в окончательной форме в 1947 г.»^[4].

По словам Бьюзена, комплекс безопасности может существовать и действовать независимо от того, признают ли это заинтересованные стороны^[5]. Последние в большей или меньшей степени отдают себе отчет в том, какие военные и политические угрозы их окружают, не обязательно при этом давая полную оценку параметров безопасности. Существование, пространственное положение и границы комплексов безопасности могут также по-разному анализироваться политологами. Бьюзен рассматривает расхождения между экспертами по объективно двусмысленным отношениям безопасности как возможный источник научного прогресса^[6]. В настоящей статье мы сосредоточим свое внимание не на различиях в научном восприятии системы безопасности, но на том, как вовлеченные в кавказские конфликты политические актеры субъективно представляли свой регион в течение нескольких последних лет после исчезновения Советского Союза и как эти представления повлияли на появление объективных и долговременных факторов безопасности на Кавказе.

Единство кавказского региона

Интересы безопасности всех республик Закавказья достаточно связаны с соседними странами, чтобы можно было рассматривать их — наряду с Северным Кавказом — как образующие отдельный регион. Их отношения в сфере безопасности, соперничество, интересы, дружба или вражда взаимозависимы и достаточно значимы, чтобы отличить их от других комплексов безопасности. Для России, Ирана и Турции Кавказ представляет собой сравнительно автономную часть своего окружения. В древние времена Кавказ являл собой барьер между евразийскими степями и цивилизациями Месопотамии^[7]. Тысячи лет регион составлял либо буферную зону между конкурирующими империями, либо составную их часть. В этом регионе вели свою экспансию греки, римляне, византийцы, арабы, монголы, турки-османы, персы и русские^[8]. Разграничение

между Северным Кавказом и Закавказьем, да и сам термин «Закавказье» являются продуктом столетий русского владычества^[9].

Как закавказский, так и северокавказский регионы можно рассматривать как часть более крупного комплекса безопасности, охватывающего Грузию, Армению, Азербайджан и часть России. Северный Кавказ продолжает играть решающую роль в будущем Закавказья и кавказского комплекса безопасности в целом^[10]. Жизнеспособность независимых государств в Закавказье невозможно себе представить без минимальной политической стабильности на Северном Кавказе. Конфедерация народов Кавказа, например, была создана в Сухуми в 1989 г. в противовес Грузии. Лидеры абхазских националистов, которые в то время проявляли наибольшую активность в деле объединения всех политических сил на Северном Кавказе, искали поддержки в своем споре с Тбилиси. Помощь Конфедерации сыграла решающую роль в военном поражении грузинского правительства в Абхазии. Российская интервенция против отделения Чечни также имеет далеко идущие последствия для политического будущего всех закавказских государств.

Противоречивые региональные концепции: Россия, Турция и Запад

Ни одна страна, граничащая с Кавказом, не считает себя — и не может считаться — нерегionalным государством. Северный Кавказ является составной частью Российской Федерации. Россия считает новые независимые государства Закавказья принадлежащими к ее ближнему зарубежью, хотя следует добавить, что внешнеполитическая концепция ближнего зарубежья не означает, что Россия недооценивает специфики Закавказья как самостоятельного региона (Тренин). Основная претензия России состоит в том, что у нее имеются специфические интересы, которые она обязана защищать в этой части своего южного фланга, но Россия не смогла добиться полного признания своей позиции в отношении Кавказа со стороны международных организаций и западных правительств.

В своей статье по Ирану Абдолла Рамезанзаде анализирует иранскую точку зрения на географическое расположение Кавказа. После распада Советского Союза иранские политические круги заговорили о возможности появления нового региона. Новый Ближний Восток, или Северо-Западная Азия, как по-разному называют этот регион ученые, охватил бы Пакистан, Афганистан, Иран, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан, Армению и Турцию. Иран мог бы занять центральное положение в регионе с весьма разнородными религиозными, языковыми и иными культурными традициями. Это представление о регионе было еще менее приемлемо для международного сообщества, чем российское.

Помимо русско- и ираноцентристского, приходится считаться также и с тюркоцентристским представлением о Кавказе. Согласно этой региональной концепции, обширное тюркское сообщество Туран на Кавказе и в Средней Азии должно объединиться под руководством Турции. Этот националистический план, направленный на завоевание господствующего положения на Кавказе, увенчался лишь ограниченным успехом. Турция укрепила свои культурные, экономические и военные связи с Азербайджаном. Она выиграла алфавитную войну с Ираном по

поводу письменности в Азербайджане и проявила особую активность в процессе урегулирования конфликта из-за Нагорного Карабаха. Россия с большим трудом отстаивает свои интересы в противоборстве с Турцией по вопросу о прокладке трубопровода для каспийской нефти. Несмотря на эти достижения, надежды Турции вновь стать великой державой, занимающей ведущую позицию в регионе, не оправдались (Де Пау).

До распада Советского Союза в декабре 1991 г. западные правительства воздерживались от оказания открытой поддержки движениям за независимость в Закавказье и от вмешательства в тамошние этнические конфликты. Лишь после того как Армения и Азербайджан были приняты в члены СБСЕ в январе 1992 г., а Грузия в марте 1992 г., эта организация стала выступать с какими-либо инициативами по поводу этих стран. В первые годы после окончания «холодной войны» западные правительства не смогли выработать четкую региональную концепцию Кавказа в рамках своей политики европейской безопасности. Их заинтересованность в регионе была маргинальной, а их кавказская политика находилась в зависимости от их отношений с Турцией и особенно с Россией. Франция и США оказывали Армении гуманитарную помощь. Германия и США поддерживали правительство Шеварднадзе, не вмешиваясь, однако, в этнические конфликты в Южной Осетии или Абхазии. Что касается Армении и Грузии, то в 1993 г. западные правительства *de facto* признали военное доминирование России на Кавказе, даже если они никогда формально не подтверждали российскую концепцию ближнего зарубежья. Азербайджан, казалось, был более притягателен для западных интересов. После того как у Запада в сентябре 1994 г. появились значительные интересы в разработке каспийской нефти, западные страны, как, например, США и Великобритания, отказались от своего прежнего нежелания посылать силы по поддержанию мира в регион в рамках СБСЕ (ОБСЕ) (Зверев).

Россия, Иран и Турция являются наследниками великих империй. Претензии каждой из этих стран стать господствующей державой или даже центром новой региональной конфигурации основаны на исторических традициях. Это относится не только к России и Турции: восемь из пятнадцати бывших союзных республик, в том числе все закавказские, имели общую политическую и культурную историю с Ираном (Рамезанзаде). Минская группа СБСЕ включала в себя не только основные региональные державы (кроме Ирана), но и некоторые государства, имеющие традиционные исторические связи в регионе, например Францию и Германию (Пэ и Ремакль). Возражения Франции против осуждения СБСЕ армянской оккупации азербайджанской территории можно объяснить ее желанием восстановить указанные исторические связи. Активная поддержка Шеварднадзе германским правительством вызывает в памяти вовлеченность Германии в дела Грузии в краткий период ее независимости в 1918 — 1921 гг. Деятельность британских нефтяных фирм и политика британского правительства в Азербайджане ассоциируются с их ролью в Закавказье до Октябрьской революции и в первые годы после нее.

Региональные концепции России, Ирана и Турции охватывают либо весь Кавказ, либо только некоторые его части. С точки зрения российской внешней политики часть Кавказа находится на территории России, а часть составляет ее ближнее зарубежье, так что Иран и Турцию необходимо оттеснить как можно дальше. В

концепции Нового Ближнего Востока Армения и Турция включены в состав региона, Северный же Кавказ исключен. Сообщество Туран не включает в себя христианские цивилизации Грузии и Армении, а также исключает Россию и Иран из своего особого регионального видения мира.

Региональные концепции России, Ирана и Турции также основаны на различных критериях. Например, географическая близость, военная безопасность, экономические связи и общее советское прошлое — все это фигурирует в концепции ближнего зарубежья. Понятие Нового Ближнего Востока (или Северо-Западной Азии) включает в себе географические, исторические и экономические факторы. Идея тюркского сообщества подчеркивает прежде всего культурное родство между Турцией и народами Кавказа и Средней Азии. Во всех трех концепциях историческая традиция и экономические возможности играют важную роль. Культурный компонент превалирует в понятии Турана, но имеет лишь второстепенное значение в идее ближнего зарубежья или Нового Ближнего Востока. Эти региональные доктрины России, Ирана и Турции были сформулированы в то время, когда им приходилось разрабатывать основные принципы, лежащие в основе внешнеполитической концепции постсоветского мира. В первые годы после обретения независимости закавказскими странами эти доктрины претерпели значительные изменения. Например, для Ирана гораздо большее значение приобрела Грузия — как государство, связывающее Иран с Европой через кавказский коридор, — чем это имело место ранее, в теории Нового Ближнего Востока. Турции пришлось принять во внимание господствующее положение России при постановке практических задач своей политики в Закавказье. Такие модификации имели некоторое значение, но не снимали несовместимость коренных интересов и региональных концепций этих трех государств.

Региональные концепции в Закавказье

Несовместимость региональных дефиниций Кавказа проявляется не только среди наследников империй, веками считавших регион местом разыгрывания своего международного соперничества, но и между политическими группами и партиями в отдельных закавказских республиках. В трех республиках отсутствие элементарного национального консенсуса в вопросе об определении понятия нации и функционировании политических институтов привело к преследованиям политических оппозиционных движений и партий или даже — в случае Азербайджана и Грузии — к гражданским войнам. Вопрос о региональных альянсах также горячо дебатруется политическими группами и партиями во всех трех независимых республиках Закавказья. В Азербайджане экономический вопрос о том, как эксплуатировать нефтяные богатства Каспийского моря и военный вопрос о том, как избежать унизительного поражения в войне за Нагорный Карабах, непосредственно связаны с политическими спорами о будущем региона. Политическая судьба первых секретарей компартии и президентов республики зависела от их взглядов на региональные альянсы, Победа на выборах в июне 1992 г. Абульфазы Эльчибея привела к укреплению отношений между Азербайджаном и Турцией в ущерб Ирану и России. Эльчибей не исключал возможности объединения с Иранским Азербайджаном и отказывался вступить в СНГ (Зверев). Россия способствовала свержению Эльчибея и приходу к

власти правительства Алиева, но не смогла добиться проведения последним политики, соответствующей ее военным и экономическим интересам. Мультиполярное проникновение в Азербайджан прочих держав (следствие его долгосрочных экономических перспектив) предоставило Гейдару Алиеву больше возможностей поддержания баланса между российскими, турецкими и западными интересами. На февральской 1995 г. встрече на высшем уровне глав государств СНГ в Алма-Ате Азербайджан отказался допустить дислокацию российских войск на своей границе с Ираном или принять участие в объединенной системе ПВО СНГ^[11].

Грузинское национальное движение конца 80-х гг. XX в. надеялось завязать тесные контакты с западными странами, с тем чтобы получить большую свободу рук в отношениях с Советским Союзом. Западные же правительства предпочли оказывать поддержку попыткам Горбачева демократизировать советскую федеративную систему, нежели поддерживать независимость Грузии. После распада Советского Союза западные правительства, столкнувшись с этническими конфликтами и политическим неустройством в Грузии, даже отказались признать независимость Грузии и установить нормальные дипломатические отношения с правительством Звиада Гамсахурдиа. Свержение грузинского президента и возвращение в Грузию бывшего коммунистического вождя Эдуарда Шеварднадзе были поддержаны как Россией, так и Западом. Популярность Шеварднадзе у западных лидеров — и прежде всего в правительственных кругах в Германии и США — возбудила у грузинской общественности надежды на то, что страна получит большую свободу в своих отношениях с Россией. Поддержка Россией абхазских сепаратистов, сокрушительное военное поражение Грузии в Абхазии и невмешательство Запада привели в октябре 1993 г. к радикальному пересмотру грузинской внешнеполитической концепции. Грузия была вынуждена строить свое будущее в регионе, в котором доминируют российские интересы. Невозможно было себе представить, что отделению Абхазии и Южной Осетии можно будет помешать без согласия России. Грузия вступила в СНГ и допустила российские военные базы на свою территорию. Позднее Эдуард Шеварднадзе активно поддержал российскую интервенцию в Чечне. Он выступил с предупреждением к западным правительствам о том, что сепаратистские движения на Северном Кавказе могут оказать дестабилизирующее воздействие на весь регион.

Некоторые региональные стратегии на Кавказе были политически менее состоятельны по сравнению с другими. В частности, неспособность Эльчибея и Гамсахурдиа стабилизировать свою базу власти связана с их общим неумением разработать адекватную концепцию регионального окружения, в котором им пришлось проводить свою политику

Кавказский регион как цивилизационный ареал

Этнические конфликты на Кавказе нельзя рассматривать как следствие религиозных различий. По мере того как группы, вовлеченные в жестокую борьбу, укрепляют свою сплоченность, они могут все более усматривать в своих религиозных или иных идеологических различиях корень конфликта, в котором они участвуют. В этом смысле религиозные факторы могут быть важным составляющим фактором этнической розни, но они вторичны по отношению к

общим моделям восприятия безопасности^[12]. Советское руководство, например, изображало свою военную интервенцию в Баку в январе 1990 г. как законную реакцию на опасность дестабилизации со стороны исламского фундаментализма, но активная вовлеченность в конфликт Исламской Республики Иран или других фундаменталистских сил так и не была доказана (Зверев). На примере отношений Ирана с Арменией нельзя доказать и столкновение исламской и христианской цивилизаций. Иран пытается сохранить мирное сосуществование с Арменией, несмотря на конфликт из-за Нагорного Карабаха и армянскую оккупацию азербайджанской территории. Религиозная близость Азербайджана к Ирану (в обеих странах большинство населения шииты) не привела к тесному сотрудничеству между двумя государствами. Западные правительства проявляют намного больший интерес к Азербайджану, чем к Грузии или Армении, несмотря на то что обе они имеют христианскую традицию. Президент Армении Левон Тер-Петросян справедливо отверг религиозные истоки нагорно-карабахского конфликта^[13].

Этнические отношения и политическая стабильность в России, Иране и Турции

В статьях настоящего сборника выявлены первостепенные интересы России, Ирана и Турции в кавказском регионе в сфере военной и экономической безопасности. У всех трех стран имеются схожие опасения относительно возможных последствий дальнейшей дестабилизации в регионе в плане их внутренней политики. Россия, Иран и Турция являются мультикультурными обществами, этнические конфликты в которых могут создать угрозу для внутреннего единства, военной и политической стабильности. В конце 1994 г. как российская, так и турецкая армии были втянуты в масштабные и жестокие боевые действия против этнических меньшинств — Россия вела войну с чеченцами генерала Дудаева, Турция — с курдами, сторонниками Рабочей партии Курдистана. Иран, утверждая, что исламская религия стоит выше этнических различий, пока что сумел предотвратить появление сепаратистского движения среди своей азербайджанской общины. Но поскольку азербайджанцы составляют вторую по численности общину в Иране, политические события в Нагорном Карабахе и Азербайджане будут по-прежнему иметь далеко идущие последствия для внутренней политики Ирана.

Конфликтующие стороны в Закавказье выдвигают либо принцип территориальной целостности государств, либо право на самоопределение. Интересы всех соседних государств требуют отстаивания первичности первого принципа над вторым, так как им нужно помешать возникновению сепаратистских движений внутри собственных границ. Исходя из этого, иранское и турецкое правительства поддерживали территориальную целостность Азербайджана в конфликте с Арменией из-за Нагорного Карабаха. И даже несмотря на то что влиятельные политические силы в России оказывали поддержку движениям за отделение Южной Осетии и Абхазии, долгосрочным российским интересам определенно соответствует защита принципа территориальной целостности государств.

Особые интересы

Статьи данного сборника показывают, что одна из главных целей политики безопасности всех иностранных держав, имеющих отношение к закавказским конфликтам, состоит в ограничении влияния других держав в регионе. После исчезновения Советского Союза российское правительство не проводило сколько-нибудь связной внешней политики в Закавказье. Его неспособность воздействовать своим авторитетом на воюющие стороны и даже контролировать действия своих вооруженных сил в регионе в первый год независимости советских республик можно описать как результат попустительства (Тренин) или временного краха имперской идеологии (Зверев). Такое отношение не означает, что Россия добровольно отказалась от всякого вмешательства: она с самого начала дала понять, что ее собственная неспособность прекратить этнические конфликты на Кавказе не дает другим державам права вмешиваться в его дела. В ответ на высказанные Турцией в мае 1992 г. угрозы Армении по поводу Нахичевани состоялись российско-армянские переговоры о проведении в жизнь Ташкентского соглашения о коллективной безопасности, подписанного в том же месяце. В сентябре 1993 г., когда иранские войска перешли границу в Нахичевани^[14], Россия недвусмысленно заявила, что не потерпит подобных действий в своем ближнем зарубежье (Зверев и Рамезанзаде).

Политика отстаивания позиций России в ближнем зарубежье, публично поддержанная Ельциным в начале 1993 г., связывала особые интересы России в Закавказье с признанием СБСЕ в качестве инструмента легитимации российского присутствия в регионе. Апелляция России к СБСЕ не означала, что она будет готова безоговорочно допустить активное участие других членов СБСЕ в мероприятиях по поддержанию там мира. К концу 1993 г. России удалось помешать вмешательству извне, восстановив свое влияние по всему региону, заставив Грузию вступить в СНГ, добившись оставления российских военных баз на грузинской территории и взяв в свои руки монополию на проведение операций по поддержанию мира в Южной Осетии (с 1992 г.) и Абхазии (с 1993 г.). Российская интервенция в отколовшейся Чечне, начавшаяся в декабре 1994 г. и повсеместно рассматриваемая как первое военное поражение России, привела к еще большему российскому военному присутствию в регионе. Решение СБСЕ (принятое на его будапештском саммите в декабре 1994 г.) о подготовке к введению многосторонних сил по поддержанию мира в Нагорный Карабах теоретически покончило с монополией России на миротворческие силы, но не уменьшило ее доминирующей роли в процессе урегулирования этнических конфликтов в Закавказье.

Попытки Турции сдерживать масштабы проникновения других соседних стран на Кавказ имели лишь ограниченный успех. Одной из основных целей этой страны было помешать как Ирану, так и России укрепить свои военные и дипломатические позиции в Закавказье (Де Пау). В 1993 г. Турция была вынуждена признать военное присутствие России как в Армении, так и в Грузии, а также ее доминирующую роль во всех усилиях по урегулированию этнических конфликтов в регионе — при этом Турция, однако, не согласилась на ввод преимущественно российского или даже смешанного российско-турецкого контингента сил по поддержанию мира в Нагорный Карабах (Пэ и Ремакль). В 1994 г. Турция добилась успеха в противодействии требованиям России о внесении

значительных поправок в договор об обычных вооружениях в Европе по вопросу о допустимом числе единиц военной техники на Кавказе.

Истоки нынешней политики ряда западных правительств, направленной на сдерживание влияния России в этом регионе, восходят к имперскому прошлому этих государств. В прежние века благодаря нажиму со стороны Великобритании, Франции, Германии, Турции и США было ограничено продвижение России к южным морям и мусульманскому миру^[15]. Западный подход — в ООН и СБСЕ — к российской политике в Закавказье в последние годы имел ту же цель, даже если желание ограничить российское присутствие на Кавказе отступает перед более важной целью — маргинализацией роли Исламской Республики Иран. Уже в феврале 1992 г. госсекретарь США Джеймс Бейкер выразил поддержку своего правительства активной политике СБСЕ в надежде не допустить односторонних действий Ирана и России (Пэ и Ремакль).

В некоторых статьях настоящей книги российская политика по отношению к воюющим сторонам на Кавказе описывается как политика «разделяй и властвуй» (Алексей Зверев, Гия Нодия). Эта политика^[16], которая уходит корнями в прежнюю российскую и советскую имперскую политику, не означает, что современная Россия имеет такие же рычаги воздействия, как и бывшее Советское государство. В отличие от советской власти, Россия не способна устранить этнические конфликты ни в Закавказье, ни на своей территории на Северном Кавказе. Политику «разделяй и властвуй» можно объяснить результатом неспособности внешних сил изменить характер локальных враждебных действий. Эти силы могут влиять лишь на расстановку сил между конфликтующими сторонами^[17]. В своих попытках посредничать между враждующими сторонами Россия просто принимает существующий расклад местных группировок, не прилагая усилий по его изменению. Это примирение с фактом существования нынешних конфликтов облегчает проникновение России в комплекс безопасности. Бьюзен отмечал, что соперничество локальных и внешних комплексов безопасности имеет тенденцию к усилению благодаря прибавлению ресурсов и союзников^[18]. На Кавказе можно наблюдать тот факт, что посредничество и обострение конфликтов являются противоречивыми аспектами одной и той же реальности. В своей статье Дмитрий Данилов цитирует армянского дипломата, сказавшего, что «позиции Баку и Еревана сблизить легче, чем достигнуть соглашения между посредниками — Россией и Минской группой СБСЕ».

Комплексы безопасности высшего и низшего уровня

Советская власть подавляла насильственные этнические конфликты на всем Кавказе. Перекрытие (overlay) происходит тогда, когда присутствие внешней стороны в регионе подавляет действие динамики безопасности среди местных государств. Согласно Бьюзену, «с ним обычно связана масштабная дислокация вооруженных сил в перекрываемой местности осуществляющей вмешательство великой державой (державами); перекрытие полностью отличается от обычного процесса вмешательства со стороны великих держав в вопросы локальных комплексов безопасности. Вмешательство обычно усиливает локальную динамику безопасности: перекрытие подчиняет ее более обширному комплексу соперничества крупных держав и может даже ее полностью ликвидировать.

Самыми подходящими примерами этого служат период европейского колониализма в нынешнем «третьем мире» и подчиненность европейской динамики безопасности соперничеству сверхдержав после второй мировой войны»^[19]. сделало функционирование независимой динамики безопасности в регионе невозможным. Традиционные очаги враждебности возникли вновь вместе с борьбой за независимость закавказских государств. Вопросы безопасности региона имеют значение для более высокой динамики безопасности, которая выходит за пределы Кавказа. Стратегические позиции использовались обеими сторонами — Россией и Западом — как козырная карта на глобальных переговорах по вопросам безопасности. Введение Россией воинских частей в Грузию в 1993 и 1994 гг. возбудило некоторые подозрения, но не вызвало открытой оппозиции со стороны западных правительств. В 1994 г. США в свою очередь смогли осуществить интервенцию на Гаити при молчаливом согласии российской дипломатии. Шли разговоры о том, что обе страны предоставили друг другу свободу рук в районах, которые каждая из них считала своим задним двором.

Что касается обсуждения новых сфер делимитации в Европе, то вопросы безопасности на Кавказе связаны с более широкой проблематикой европейской безопасности. Россия использовала свою интервенцию в Чечне в конце 1994 г. как аргумент в доказательство того, что ей нужны значительные поправки к договору об обычных вооружениях в Европе для разрешения этнических конфликтов на своем южном фланге. В дискуссии о расширении НАТО на Восток поднимался вопрос о возможности пересмотра некоторых статей договора об обычных вооружениях в Европе в качестве уступки российским военным^[20].

Увязка между вопросами безопасности на Кавказе и глобальной динамикой безопасности не сводится к военным вопросам. В своей политике в этом регионе Россия рассматривает экономические вопросы с геополитической точки зрения. Например, проведение трубопровода для доставки нефти из Каспийского моря на мировой рынок в обход России неприемлемо для Москвы, так как это могло бы в большой степени преодолеть зависимость от России не только Азербайджана, но и нефтедобывающих республик Центральной Азии и даже некоторых районов самой Российской Федерации (Зверев).

Специфика Кавказа

Аналитики безопасности эпохи после окончания «холодной войны» сталкиваются не только с тем, как трудно найти глубокое понимание новых образцов нестабильности и этнических конфликтов, но и с появлением новых комплексов безопасности на территории бывшего Советского Союза. Являясь домом для нескольких десятков отдельных этнических групп, Кавказ часто характеризуется как район несравненного этнического своеобразия. Однако, несмотря на уникальные особенности региона, все же можно исследовать его комплексы безопасности, используя те понятия, которые содержатся в литературе, анализирующей прочие регионы мира. Как уже говорилось в настоящем заключении, для того чтобы лучше понять региональные модели безопасности на Кавказе, можно, например, применять концепты, используемые Бьюзенем в его анализе региональной безопасности (даже несмотря на то что его теоретическое

построение основано главным образом на опыте «холодной войны» и несколько не на кавказском примере). В то же время субъективные региональные концепции всех заинтересованных сторон должны учитываться для понимания специфики Кавказа.

---

^[1] Я хочу поблагодарить Тамару Драгадзе, Дмитрия Тренина, Эрика Ремакля и Абдоллу Рамезанзаде за их отзывы на первый вариант этого текста.

^[2] О нижеследующем см.: Buzan Barry. *People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era.* New York; London. 1991. P. 186—229.

^[3] Ibid. P. 190.

^[4] Ibid. P. 205.

^[5] Ibid. P. 192.

^[6] Ibid. P. 200.

^[7] Goldenberg Suzanne. *Pride of Small Nations.* London; New Jersey. P. 10.

^[8] Ibid.. P. 4.

^[9] Ibid.. P. 2.

^[10] О делимитации северокавказского региона см.: Crag Helen; Funch Lars. *The North Caucasus: Minorities at a Crossroads. A Minority Rights Groups International Report 94/95.* London. 1994. P. 9.

^[11] См.: Fuller Elizabeth. *The Near Abroad: Influence and Oil in Russian Diplomacy // Transition.* Vol. 1. N 6. 28 April 1995. P. 34.

^[12] См. Buzan Barry. *Op. cit.* P. 197.

^[13] Goldenberg Suzanne. *Op. cit.* P. 156.

^[14] Согласно иранской газете «Кейхан хаваи» (15 сентября 1993 г.), иранские войска перешли границу для охраны совместно управляемых дамб на реке Аракс и создания лагерей для беженцев (Рамезанзаде).

^[15] См. Broxup Marie Bennigsen. *Introduction. Russia and the North Caucasus.* — In: *The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World.* London. 1992. P. 1.

^[16] О российских военных поставках в Закавказье см. Tamara Dragadze. *Conflict in the Transcaucasus and the Value of Inventory Control // Jane's Intelligence Review.* Vol. 6. N 2. February 1994. P. 71 — 73.

^[17] См. Buzan Barry. *Op. cit.* P. 214.

^[18] Ibid. P. 222.

^[19] Ibid. P. 198.

^[20] См.: Sharp Jane M. *O. Let's Make a Deal: NATO and CFE // The Bulletin of the Atomic Scientists.* Vol. 51. N 2. March/April 1995. P. 19 — 21.